

Евгений ЛЕОНОВ:

Известия. — 1999 —
3 февр. — с. 7

Улыбнитесь, даже сквозь стиснутые зубы

Это интервью с великим русским актером Евгением Леоновым пролежало в архиве авторов ровно семь лет. Опубликовать расшифрованную и подготовленную к печати беседу, состоявшуюся в начале января 1992 года в доме артиста на Комсомольском проспекте, не удалось. Перечитывая накануне пятой годовщины со дня смерти Евгения Павловича

то давнее интервью, легко заметить, что оно ничего не потеряло в своей актуальности. Ушли годы, ушел из жизни артист, но многое, о чем он говорил тогда, сейчас воспринимается с особым чувством — горечь от того, что его нет с нами, смешана с благодарностью за то, что он, его фильмы, его доброта и душевная щедрость по-прежнему с нами.

— Евгений Павлович, в последние года два-три вы никому не давали интервью. На эту встречу вы согласились тоже без особой охоты. Все уже сказано? Или есть другая причина?

— Сейчас такое время, что многословные интервью напоминают трепотню, болтовню. Кругом все рушится, валится... А все чего-то обсуждают. Хотя пора уже и что-то сделать. Сверхшить пусть маленькое, но полезное. Мы же все даем интервью, у каждого указательный палец впереди ладошки, каждый тычет в окно телевизора и предлагает жить по-другому. Кооператоры или, как их там, предприниматели во всем мире чего-то производят. У нас же они в основном заняты перераспределением. Или имитацией созидания. Недавно, купив на базаре чебурек, тут же хотел его откусить, но вдруг продавец говорит: «Выплюнь, Леонов!» Он, конечно, узнал меня. Я подумал: что же он в это тесто положил, если сам предостерег? И так везде — куда ни сунься. Возьмите политику и депутатов. Какие гадости они нам подкладывают... Нет, я говорю не обо всех. Есть, наверное, нормальные люди, нормальные политики. Но в нашем обществе вдруг появились очень богатые люди, которые не спешат поделиться с бедными. Некоторые ругают Америку. Но даже если мы проклянем эту Америку, нам-то от этого легче не станет. При этом мы все говорим, говорим, опять слова, слова. Тут еще и Леонов раскиснул, машет руками, объясняет.

— Что происходит сегодня в отечественном искусстве, кино?

— Это понятно: какое общество — такое и искусство. Какая культура — такое и искусство. (Во дворе загудела машина. Леонов: «Мою «Волгу», пока мы с вами говорили, наверное, увели воры»). Смеется). А вы спрашиваете о высоких материях — об искусстве... Понимаете, все театры потихоньку стали похожи друг на друга. Актеры и режиссеры тоже.

— В «Ленкоме» вы сегодня заняты только в одном спектакле — «Поминальной молитве».

— Да, в одном. Хороший спектакль. Публике нравится. В свое время я ушел из театра от моего учителя Андрея Александровича Гончарова не просто в «Ленком», а к режиссеру Марку Захарову. «Ленком» — театр захаровский, там его мир, идеи, его эстетика. Я же худо-бедно принадлежу к актерам, которых воспитали Блинников, Массальский, Яншин. С Яншиным я проработал в театре много лет. «Ленком» — детище Захарова. Меня привлекло то, что Марк Анатольевич очень современен, чувствует сегодняшнюю атмосферу, время, умеет передавать его. Это — театр режиссера. И может быть, ему и не нужны такие актеры, как я. У меня же другая школа. По

большому счету я не убежден, что я много сделал за 17 лет работы в «Ленкоме» — «Иванов», «Вор», «Вожак в «Оптимистической трагедии». Кому-то мои работы нравились, кому-то нет. Мне самому иной раз кажется, что я не до конца изведен. Могу сыграть еще что-то такое, что сразу и в голову не придет.

— И какая роль вам доставила бы сейчас творческое удовольствие?

— Некоторые театральные критики в своих статьях обо мне писали, что я, мол, «непрочитанный король Лир». Может быть, кто-то из них слышал, как я говорил о том, что хотел бы сыграть Лира. Показать его обманутую доверчивость, распятую доброту. Дать его не таким страстным, как обычно его изображают, а, наоборот, стариком, отдавшим сердце детям и получившим взамен фигу с маслом, проклятье, злобу и ненависть. Неожиданное прочтение? Неожиданное. А возможно так сыграть? А почему бы и нет. Мне кажется, что я мог бы еще играть. Но теперь все будет сложнее. Как-то живет тяжело. Гнетет одиночество какое-то. Вдруг заметил, что часто стал смотреть в стенку. Нет, не потому, что жду смерти. Просто спрашиваю себя: зачем я живу, чего я хочу, зачем меня отпустил Бог? Я уже вроде простился со всеми, умер. А он меня отпустил обратно.

— Вы о том драматическом случае никогда не рассказывали. А нам неудобно об этом спрашивать, Евгений Павлович.

— У меня история случилась странная. Я и не думал умирать. Стенокардия случается у многих. Мы были на гастролях в Гамбурге. Почувствовал себя неважно. Врач осмотрел и сказал, что у меня воспаление легких. Повезли перед спектаклем на рентген. Потом неожиданно прострел, удар, шок, инфаркт, клиническая смерть. Откачали. Через несколько дней — второй инфаркт. Выяснилось, что-то там оторвалось. Операция. Вызвали сына и сказали: сиди и ной, зови его сюда, на землю, услышит — вернется, не услышит — не придет. Да, я пришел через 9 дней. В общей сложности между жизнью и смертью находился 28 дней. Всего не рассказав.

— Когда-то, Евгений Павлович, в «Известиях» вы опубликовали выдержки из эссе «Письма к сыну». Продолжаете ли литературные опыты?

— Что касается «Писем», то издательство Союза театральных деятелей обещало выпустить эту книгу. Она небольшая, основана на настоящих письмах. Книга о жизни. Мысль о продолжении литературных опытов — хорошая; зачем без толку все время в стенку смотреть. Но надо придумать «про что». Тут к тому же два стоящих момента: вспомнить, где запятые ставятся

(смеется), как буквы выводить, и вспомнить прошлое, людей, с кем сводила судьба.

— Что читаете сейчас?

— В основном только журналы: «Дружба народов», «Новый мир», «Октябрь». Какие-то новые интересные имена попадают, но никто не потряс. У нас новой литературы нет. Особенно и вспомнить нечего. Одно хвастовство, по-моему. Время от времени перелистываю Достоевского. У меня много серьезных книг. А я все больше думаю о сегодняшнем дне, о том, что сам вижу, слышу, много смотрю телевизор. Возбуждаюсь безумно и все пытаюсь отделить правду от неправды.

— Будут ли новые роли в кино? Вы давно не снимались.

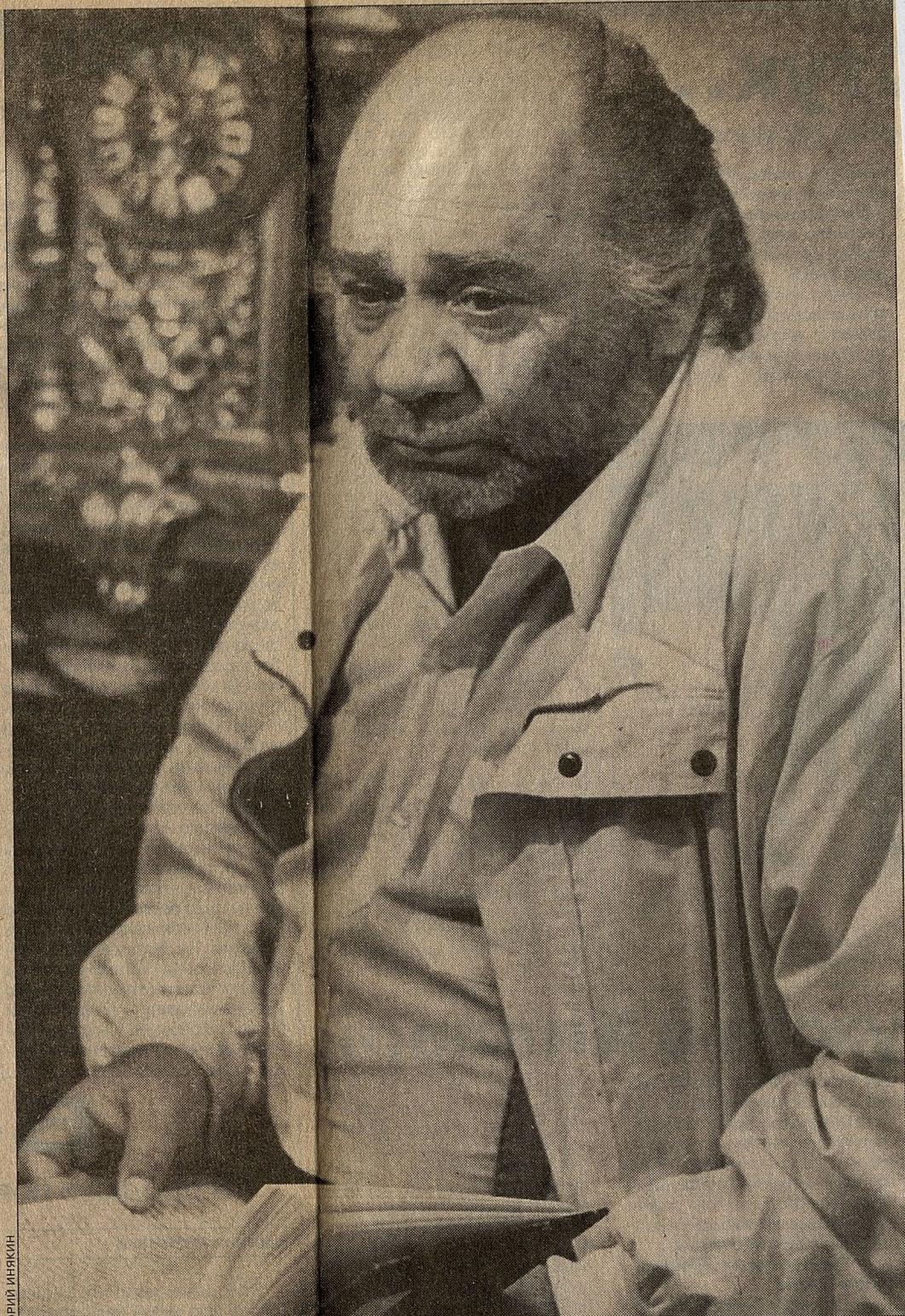
— Многие об этом спрашивают. Ну вот, лежат у меня 4 сценария. Я мог бы дать вам почитать. Вы позвоните через неделю и скажете: правильно, что не снимаюсь. Предлагают чепуху. Соблазняют большими деньгами и короткими сроками съемок. Говорят, фильм сегодня можно снять за 1,5 месяца. Между прочим над картиной «Кин-дза-дза» мы работали 1,5 года. Я приучен делать свою работу с полной отдачей. Потребность сниматься есть. Но не знаю, что именно хочу сыграть. Мало одного хотения, если нет режиссера — дело безнадежное.

— Георгий Данелия — ваш режиссер?

— Я снимался не только у него. У меня около 70 ролей. И «Старший сын», и «Полосатый рейс», и «Донская повесть». А у Данелии я как-то «осел». Безусловно, он талантливый режиссер. В последнем его фильме «Паспорт» для меня тоже была подготовлена роль. В «моей» роли снялся Армен Джигарханян. Почему не я? Данелия мне сказал: «Я тебя не повезу в Синайскую пустыню, помрешь — на меня собак навешают». И представляет, тут же один из «добрых знакомых» звонит мне: «Что ж, предал тебя «твой»?..» Фильма я еще не видел. Говорят, не смешно. Почему обязательно должно быть смешно? Что если не смешно — картина плохая? А может, это трагедия, а не комедия?

— Есть что-то, что вас сегодня радует в жизни, поддерживает, помогает?

— Вроде бы меня сейчас ничего не радует, если честно. Но самому себе я говорю: Леонов, чего тебе еще надо, у тебя такой хороший сын, внук, ты любишь свою жену, семью? Может быть, про себя много бурчу, но в душе теплится огонек, не задувается. Есть на этой земле добрые люди, не все хапуги. Не все стремятся в депутаты. Бог с ней, с колбасой, большой зарплатой. Главное, чтобы все было по-человечески. Я думаю, что по-человечески все-таки бывает. И я убежден: есть нам что ждать и на что надеяться.

Один из последних снимков великого актера

— Вас никогда не тянуло в политику?

— Упаси Боже. Если бы вдруг захотелось сейчас, то, наверное, со своей культурой, знаниями мне уже не угнаться за всеми нынешними деятелями.

— Что в современной действительности вас настораживает?

— Все одержимы одним: зарабатывать. Я тоже много работаю. Но честно — простите, может, слово не то — много не заработаешь. Значит, надо что-то такое совершить. Но я этим не занимаюсь. Можете ли вы представить себе «делового Леонова», с телефонами на столе?

— Евгений Павлович, чего вам больше всего сейчас хочется? Остается ли у Леонова заветная мечта?

— Вы так спросили, что я должен вам ответить в тональности не меньшей, как «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» или «Миру — мир!». Оставим пафос. У меня есть желание — удержаться на том уровне, который позволил бы потом сказать: выше закона может быть только любовь, выше правосудия — только милость, выше справедливости — только прощение.

— Вы — человек верующий?

— Меня смущает, что теперь все веруют. Кто-то там окунается в святую воду, принимает крещение. Я смотрю, очереди в простынях стоят. Много людей крестится, молодежь

тоже проявляет желание. Лезут в чан, не брезгают. Мне почему-то стало казаться, что мы неправильно все это делаем. Кампанейски. Можно верить или не верить, но не надо только разрушать, как в свое время глумились, ломали, рушили, гадили. А что хорошего приобрели? Дети не верят ни в Бога, ни в черта, ни в социализм, ни в коммунизм. Для меня самое страшное, что они не верят в дом свой, в отца, мать. Рвется какая-то цепь жизни.

— Про какого человека вы могли бы сказать, что он добрый?

— Добрый человек в моем понимании тот, кто привык не брать, а отдавать. Наши педагоги, режиссеры-старики учили: хочешь стать личностью — научись отдавать. Всегда есть возможность чем-то поделиться. А человеку подчас бывает достаточно одного доброго слова, чтобы почувствовать себя открытым. И очень важно, чтобы это было при жизни человека. А то Шукшин умер в 44 года, и вслед посыпались хорошие слова. А при жизни и ему, и Висоцкому жалели добрых слов, смотрели свысока и снисходительно.

— Высоцкого вы знали?

— Немножко знал. И знал, кстати, с хорошей стороны, человеческой. Говорят, он пил. А почему бы и не пить, если его так больно пинали? И потом, не так уж он и пил. Выпивал, бывало. Иначе как же тогда,

позвольте спросить, он играл на сцене, снимался в кино, писал песни? Про Вицину тоже всякую чепуху молили — пьяницу из него сделали. А он, между прочим, вообще никогда не пил. Он сыроед, любит на голове стоять, он — йог. Да и про меня черт-те что говорили. Жена как-то ехала в такси, а ей водитель, показывая на наш дом, говорит: «Тут Женя Леонов живет, мой друг. Все время ему не хватает три рубля на водку. Приходится выручать». Жена пристыдила его и вышла из машины. И все-таки хороших людей у нас в стране больше.

— Наступил новый, 1992-й. Что вы себе пожелали, семье, друзьям?

— Вы знаете, думал над этим — чего же пожелать. Еды? Но это и так должно быть. Счастья? Ну, это очень относительное понятие. Радости? Это же совсем забавно. Работы? Так и должно быть. Почаще, может быть, улыбаться, пусть даже сквозь стиснутые зубы. На нас обрушивается что-то огромное, несуразное, некультурное, порой, необразованное. Каждый новый виток нашего развития, мне кажется, выкидывает вверх не самых профессиональных и умных людей. Страшно, что сейчас наступило время посредственностей. Эту мысль я постоянно гоню от себя. Но она меня не покидает.

Гаяз АЛИМОВ,
Геннадий ЧАРОДЕЕВ